

Режим Путина: либеральная милитократия?

Ольга Крьюштановская

Милитократия — это власть военных. После победы в 2000 году на президентских выборах полковника госбезопасности Владимира Путина во властные структуры хлынул поток людей в погонах. Теперь в России каждый четвертый представитель элиты — военный, и их число продолжает возрастать. Чем объяснить этот процесс и какие опасности он в себе таит?

Проект «президент-военный»

Хорошо известно, что Путин стал президентом благодаря тому, что на нем, как на «преемнике», остановила выбор стратегическая группа в ельцинском окружении. Избрание стало делом техники. Принципиально же вопрос был решен задолго до выборов. Поиски преемника начались уже в 1998 году, когда были согласованы основные параметры личности кандидата на пост президента: довольно молодой военный с опытом политической деятельности и лояльный к действующей власти. Желательно — умный, прагматичный и гибкий. Кастинг кандидатов в «преемники» начался с назначения Николая Бордюжи в 1998-м секретарем Совета безопасности РФ. Обсуждались также кандидатуры Александра Лебеда, Евгения Примакова, Сергея Степашина, но лучшим был признан Путин. Почему в итоге было решено, что новым президентом должен стать человек в погонах?

В Советском Союзе военные ведомства служили столпами власти, но никогда не претендовали на прямое вмешательство в политику. Офицеров не принято было назначать на высокие гражданские посты, более того, их ведомства нередко оказывались подчинены гражданским лицам — партийным функционерам. Так, анализ назначений на руководящие посты разных уровней в КГБ СССР за 1989—1991 годы показал, что каждый десятый руководитель этого ведомства «парашютировал» на свой пост из рядов партийной или комсомольской номенклатуры, а низшие ее этажи слу-

жили КГБ источником кадров (40 проц. его руководителей имели в прошлом опыт комсомольской или партийной работы ¹).

В высших эшелонах власти военные составляли совсем немногочисленную группу: традиционно членами Политбюро ЦК КПСС бывали министры обороны, внутренних дел и глава КГБ, а в 1981-м, при Леониде Брежневем, — только два министра ². Накануне перестройки к этой группе относилось примерно 10 проц. членов ЦК КПСС, причем «весомее» всех был представлен армейский генералитет (от 20 до 30 человек в разные периоды) и всего лишь 1—3 руководителя МВД и КГБ ³.

При Михаиле Горбачеве репутация силовых ведомств была подорвана; общественное мнение оценивало их деятельность резко отрицательно. Начавшийся распад усилился при Ельцине, когда число самостоятельных военных ведомств федерального уровня перевалило за двадцать — главным образом за счет расчленения КГБ СССР. На его базе были образованы Служба внешней разведки РФ (Первое главное управление), Федеральная служба охраны РФ (Девятое управление), Федеральная пограничная служба РФ (Погранвойска при КГБ), Федеральное агентство правительственной связи и информации (Управление правительственной связи), Главное управление специальных программ при Президенте РФ (Пятнадцатое управление) и др. Возникли и совершенно новые структуры, сформированные преимущественно из офицеров КГБ ⁴.

Увеличение числа военных ведомств соответствовало политическим настроениям в обществе, которое видело в военных (и особенно в сотрудниках спецслужб) угрозу гражданским свободам и правам человека, а потому требовало, чтобы были расформированы ведомства-монстры, сокращены военные расходы и прекращено преследование инакомыслящих. В результате реформ 1991—1995 годов КГБ был расчленен и деморализован, а Российская армия обнищала и пришла в упадок. Все это происходило на фоне общего ослабления репрессивного аппарата и сплошной коррумпированности правоохранительных структур.

Масштаб этих разрушительных процессов был настолько велик, что начал угрожать не только обществу, но и самой элите. В последние годы правления Ельцина стало ясно, что без укрепления государства она может потерять свои позиции. По плану стратегической элиты Путин должен был стать лидером, который бы консолидировал общество, восстановил его управляемость, усилил контрольные функции государства и возродил ряд советских властных институтов — в соответствии со стремлениями как элиты, так и общества.

Восхождение военных

Действительно, общественное мнение давно склонялось к необходимости сильной рукой навести в стране порядок. В отличие от других элит-

ных групп, чей образ граждане прочно связывали с воровством, коррупцией, демагогией, военные сохраняли репутацию честных, ответственных, политически неангажированных, исполнительных профессионалов, следующих принципу «сказано — сделано». Кроме того, в условиях общего распада государственных институтов, военные сохранили организацию, построенную на дисциплине и единоначалии, а также прямо связанную с федеральным Центром. Многочисленные региональные военные структуры пронизывали все общество, что, казалось, позволяло использовать их как управленческую сеть и «силу порядка».

Президент-военный был призван не только упорядочить работу государственных органов, но и повысить надежность и исполнительность каждого служащего на всех этажах государственной машины. Кратчайшим путем решения этой задачи виделось привлечение на государственную работу людей, привыкших к военной дисциплине, коллективным действиям и безоговорочному подчинению начальнику. Расчет делался на возрождение бюрократической дисциплины с помощью «мобилизационной политики», то есть призыва на государственную службу людей в погонах. Механическая исполнительность солдата казалась быстрым и простым способом вернуть власти функциональную эффективность.

Массовое привлечение военных на государственную службу было продиктовано и отсутствием институционального кадрового резерва госслужащих. Советская номенклатура была сильна именно своей методичной работой с таким резервом, который формировали постоянно и для всех уровней власти. Перестройка и последовавшие за ней реформы разрушили этот институт. При Ельцине появилась разночинная по своему происхождению элита, рекрутированная из самых экзотических социальных групп и не имевшая серьезного управленческого опыта. Выходцы из номенклатуры по-прежнему составляли костяк элиты, но претендовать на первые роли они могли только на местах.

Кадровый вакуум вызвал к жизни людей «большого скачка», сделавших головокружительную карьеру. К их числу принадлежал и сам Путин, за пять лет прошедший путь от вице-мэра до президента. Быстро перемещаясь с одного высокого поста на другой, он не успевал подтягивать своих людей и какое-то время оставался почти без поддержки. Это накладывало серьезный отпечаток на проводимые им реформы, вынуждая искать опору в действующих кадрах, даже если те его не устраивали. Кадровая чехарда, сопровождавшая все правление Ельцина, сменилась штилем: никого не увольняли.

В этих условиях новому президенту было особенно важно формирование группы поддержки. Первый призыв затронул тех, кого Путин знал и кому доверял: его сослуживцы и земляки. Опорой главы государства сразу стали офицерский корпус, сотрудники силовых и правоохранительных

структур, специалисты военно-промышленного комплекса. Постепенно вокруг Путина сформировалась группа его прежних коллег по работе и знакомцев, которые вслед за своим патроном совершают большой скачок.

Данные исследования «Путинская элита» свидетельствуют о том, что это подтягивание «своих людей» в целом мало отличалось от прежних образцов: земляков тянули за собой в Москву и Брежнев, и Горбачёв, и Ельцин. Данные, приведенные в табл. 1, показывают, что главными отличительными особенностями путинской элиты были: снижение доли «интеллектуалов», имеющих ученую степень; уменьшение и без того крайне низкого представительства женщин; «провинциализация» элиты и резкое увеличение числа военных⁵ во власти.

Увеличение представительства бизнеса во властных структурах следует отнести к процессам, связанным в большей степени с объективным изменением роли новой буржуазии в обществе, нежели с личными предпочтениями президента. Снижение же доли женщин, провинциализация и «деинтеллектуализация» элиты стала следствием более чем двукратного увеличения доли военных во всех элитных группах (см. табл. 2)

Т а б л и ц а 1

**Изменение характеристик элиты в первые два года правления
Ельцина и Путина, %⁶**

Характеристики элиты	Ельцинская элита (1993 г.)	Путинская элита (2002 г.)
Средний возраст (годы)	51,3	51,5
Женщины	2,9	1,7
Выходцы из сельской местности	23,1	31,0
Лица с высшим образованием	99,0	100
Лица, имеющие ученую степень	52,5	20,9
Лица с военным образованием	6,7	26,6
Лица с экономическим и юридическим образованием	24,5	25,7
Лица с образованием в элитных вузах ⁷	35,4	23,4
Земляки главы государства	13,2	21,3
Ставленники бизнеса	1,6	11,3
Военные	11,2	25,1

Источник: Данные исследований российской элиты, проведенных сектором изучения элиты Института социологии РАН с 1989 года. К элите были отнесены: члены Совета безопасности РФ, депутаты обеих палат Федерального собрания РФ, члены Правительства РФ, главы субъектов Федерации.

Доля военных в элитных группах, %

	Высшее руководство страны	Правительство	Региональная элита (главы субъектов Федерации)	Парламент		В целом по когорте
				Верхняя палата	Нижняя палата	
Горбачевская когорта (1988 г.)	4,8 ⁸	5,4 ⁹	0 ¹⁰	4,7 ¹¹		3,7
Ельцинская когорта (1993 г.)	33,3 ¹²	11,4 ¹³	2,2 ¹⁴	2,8 ¹⁵	6,3 ¹⁶	11,2
Ельцинская когорта (1999 г.)	46,4 ¹⁷	22,0 ¹⁸	4,5 ¹⁹	7,3 ²⁰	6,8 ²¹	17,4
Путинская когорта (2002 г.)	58,3 ²²	32,8 ²³	10,2 ²⁴	14,9 ²⁵	9,4 ²⁶	25,1

Как видим, весь период демократизации в России сопровождался нарастающим присутствием военных во власти. В 1988—2002 годах их доля возросла почти в семь раз. Особенно сильно милитаризация затронула высшее руководство страны (12-кратный рост). Беспрецедентное увеличение числа людей в погонах во всех структурах власти было вызвано как объективными факторами (рост числа военных ведомств), так и субъективными («модой» на избрание военных в депутаты или губернаторы). После 2000-го переход военных в экономику и политику приобрел массовый характер.

«Президентская вертикаль»: военные в регионах

Особенно заметным стало появление военных в регионах, где их представительство среди глав субъектов Федерации увеличилось по сравнению с 1999 годом более чем вдвое. Еще несколько лет назад принадлежность к органам безопасности избиратели считали большим минусом для кандидата. После 2000-го настроения и электората, и региональной элиты изменились: именно военным (особенно сотрудникам ФСБ) и те и другие отдают предпочтение. Общество видит в любом чекисте, претендующем на политическую позицию, ставленника Кремля (хотя это далеко не всегда так). Избрание военных губернаторами превращается в моду. Если до 2000 года эти посты доставались им с большим трудом (например, Алек-

сандру Лебедею в Красноярском крае или Владимиру Семёнову в Карачаево-Черкесии), то после прихода к власти Путина победы следуют одна за другой: в ноябре 2000-го в Калининградской области побеждает адмирал Владимир Егоров, в декабре того же года в Воронежской области — начальник местного управления ФСБ Владимир Кулаков, а в Ульяновской области — армейский генерал Владимир Шаманов. В мае 2002 года губернаторами становятся сразу два генерала ФСБ — Мурат Зязиков в Ингушетии и Виктор Маслов в Смоленской области ²⁷. Всего же к середине 2002-го среди 88 глав областных администраций (без Чечни) 9 были военными.

Однако самое стремительное «нашествие» военных связано с созданием нового «этажа» федеральной власти — аппаратов полномочных представителей президента в семи федеральных округах (2000—2001). У каждого полпреда — от шести до десяти заместителей, а аппарат насчитывает примерно 150 человек, включая главных федеральных и просто федеральных инспекторов с помощниками. Общая численность новой группы элиты составила примерно полторы тысячи человек ²⁸. Пять полпредов имеют звание генерала, а их заместители на 70 проц. состоят из высших офицеров. Среди главных федеральных инспекторов, курирующих отдельные субъекты Федерации, люди в погонах составляли 34,5 проц. (см. рис. 1). 37,5 проц. из них были выходцами из структур КГБ/ФСБ, 12,5 — из МВД, 12,5 — из Федеральной службы налоговой полиции (ФСНП) и 7,5 проц. — из контрольных управлений региональных администраций.

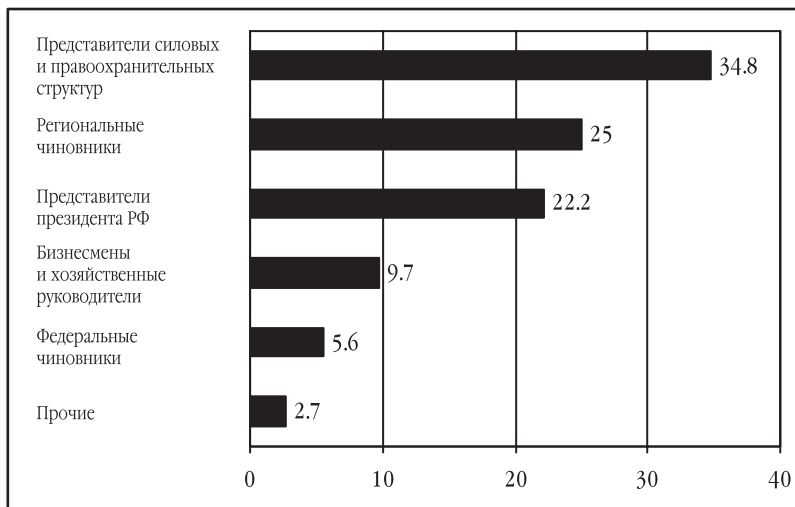

Рис. 1. Профессиональный состав главных федеральных инспекторов в 2000—2002 гг., в % к численности группы ²⁹

Чтобы лучше координировать деятельность силовых и правоохранительных ведомств в каждом округе, были созданы советы безопасности, куда вошли руководители всех соответствующих органов региона (начальники военных гарнизонов, руководители управлений ФСБ, МВД, ФСНП, прокуроры и пр.). Тем самым полпреды консолидировали силы федеральных структур и противопоставили их региональным. Из-под контроля губернаторов постепенно уходила их главная опора — управления внутренних дел. Деятельность начальников региональных отделений ФСБ, МВД, ФСНП и др. координировали теперь не губернаторы (как это было де-факто до 2000 года), а полпреды, что лишило местную элиту серьезных рычагов власти. Выстроив вертикаль «президент — полпреды — федеральные инспекторы», Кремль приобрел разветвленную сеть опорных групп во всех без исключения регионах, в значительной степени состоящую из военных. Ни одна из прослоек политической элиты не «военнизирована» в такой мере.

Путинские федеральные инспекторы начали проверять деятельность региональных администраций и сразу же обнаружили массу несоответствий и нарушений, причем не только в сфере законодательства. В большинстве регионов сразу же обозначился конфликт между новыми *федералами* и региональной элитой. Губернаторы чувствовали себя униженными из-за потери почти полной бесконтрольности своей власти. В их дела вмешивались теперь не только чиновники из Администрации президента и полпреды, но и федеральные инспекторы — по большей части совсем молодые и неопытные чиновники. Раздражение губернаторов вызывала также неопределенность функций полпредов и инспекторов, которые могли заниматься любыми региональными проблемами. С критикой новой системы выступил президент Татарстана Минтимер Шаймиев, сказавший, что «параллельные функции федеральных и окружных структур плодят новые армии чиновников и ведут к полной неразберихе»³⁰.

Однако расплывчатость функций имела свои плюсы: она позволяла президенту лучше маневрировать при управлении регионами. К тому же реформа была построена на испытанном принципе, которым часто пользовались органы госбезопасности советского времени, — внедрении «смотрящих». Функция полпредов состояла не столько в систематическом и реальном контроле, сколько в том, чтобы служить президенту опорой там и тогда, где и когда это может понадобиться. Кроме задач, обозначенных в «Положении о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе»³¹ (работа по реализации основных направлений внутренней и внешней политики России, организация контроля за исполнением решений федерального Центра, осуществление кадровой политики президента, представление ему регулярных докладов), полпреды выполняли и так называемые особые поручения. Так, их важными, но не афишируе-

мыми задачами стали мобилизация «административного ресурса» во время региональных выборов и подбор кандидатов на высшие посты исполнительной власти в регионе.

Кроме создания новых структур федеральной власти в регионах, администрация Путина начала перевербовывать старых федералов — руководителей территориальных управлений всех силовых и правоохранительных ведомств, которые за годы правления Ельцина все явственнее переходили в подчинение губернаторам. Особенно это затронуло структуры МВД, налоговые органы, суды и прокуратуру. Зависимость возникала в результате выплаты надбавок к зарплате, предоставления жилья, автотранспорта и прочих материальных благ, которые зависели от благоволения глав областных администраций. Связи же с центральным ведомством становились всё эфемернее: оно нередко задерживало мизерные зарплаты, а кадровые решения стали практически невозможными без согласования с регионом. Губернаторы стали даже поговаривать о передаче в их ведение назначений руководителей силовых и правоохранительных ведомств. Если бы это стало реальностью, оборвалась бы последняя ниточка, связывающая федеральные структуры с Центром.

«Президентская горизонталь»: военные в правительстве

Если в советской системе правительство практически целиком подчинялось председателю Совета Министров (кроме министров иностранных дел, обороны и председателя КГБ, входивших в Политбюро ЦК КПСС и негласно подчинявшихся напрямую генеральному секретарю ЦК), то в новой России возникло, по сути, два правительства: «правительство премьер-министра» и «правительство президента». Впервые КГБ, МВД и Минобороны подчинил себе Ельцин указом, изданным в 1991 году³². Впоследствии новое положение было закреплено Федеральным конституционным законом РФ от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ «О правительстве Российской Федерации», ст. 32 которого гласит: «Президент Российской Федерации как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации и Председатель Совета Безопасности Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами своими указами и распоряжениями направляет деятельность федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий»³³.

Тем самым разделение правительства на две части было институционализировано. К маю 2000-го из 58 федеральных органов исполнитель-

ной власти уже 16 ведомств, или 27,6 проц. состава правительства, были прямо подчинены президенту (см. табл. 3) Причем «правительство премьер-министра», объединяющее 72,4 проц. руководителей федеральных ведомств, контролировало главным образом экономический блок, а основные силовые структуры подчинялись президенту. Их руководители по должности входят одновременно в Совет безопасности РФ (из 9 его членов 8 — это министры-члены «президентской команды».

Т а б л и ц а 3

Структура российского правительства³⁴

Правительственные структуры	Число	Из них:			
		находятся в подчинении председателя правительства РФ		находятся в подчинении президента РФ	
		Число	Из них входят в состав Совбеза	Число	Из них входят в состав Совбеза
Министерства	24	20	1	4	4
Государственные комитеты	6	6	—	—	—
Федеральные комиссии	2	2	—	—	—
Федеральные службы	13	5	—	8	3
Российские агентства	8	7	—	1	1
Федеральные надзоры	2	2	—	—	—
Иные федеральные органы	3	—	—	3	—
ИТОГО	58	42	1	16	8

В 2002 году в «правительстве Путина» силовые структуры были представлены не только министерствами обороны, внутренних дел и Федеральной службой безопасности, но и Министерством по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Государственной фельдъегерской службой, Службой внешней разведки, Федеральной службой железнодорожных войск, федеральными службами налоговой полиции, охраны, специального строительства, Федеральной пограничной службой, Федеральным агентством правительственной связи и информации, российскими агентствами по боеприпасам, обычным вооружениям, системам управления и проч., то

есть не только «военной» частью кабинета, но и Советом безопасности — коллективным органом, возглавляемым президентом.

Стремительно росло число военных в структурах власти, не связанных с обороной и безопасностью страны. Начиная с 2000-го люди в погонах занимают вторые и третьи позиции в должностной иерархии всех федеральных ведомств, превращаясь, пожалуй, в самую заметную группу кадрового резерва. Причем если о назначениях первых лиц средства массовой информации пишут много, то приход военных на должности заместителей министров или начальников ключевых управлений экономического блока правительства проходит для общественного мнения практически незамеченным. По данным нашего исследования, среди заместителей министров, назначенных в 2000—2002 годах, военные составили 34,9 проц., а в экономических ведомствах — 7,1 процента. При этом особенно активно рекрутировали на эти посты военных в министерства экономического развития (четыре), промышленности (два) и связи (три), возглавляемые земляками президента Германом Грефом, Ильей Клебановым и Леонидом Рейманом. Вторые лица в погонах присутствуют также в министерствах печати, иностранных дел, транспорта, имущественных отношений, юстиции, путей сообщения, по делам Федерации, налогам и сборам и в других ведомствах. Наиболее массовый приток военных в экономические федеральные ведомства происходил, во-первых, из органов безопасности (ФСБ, СВР) — 45,2 проц. всех военных, назначенных заместителями министров в невоенные ведомства, во-вторых, из армейских структур (38,7) и, в-третьих, из МВД (16,1).

То, что президент прежде служил в Первом Главном управлении КГБ СССР, наложило свой отпечаток на назначения в политических и собственно военных ведомствах: министром обороны стал «гражданский» генерал и бывший разведчик Сергей Иванов, его заместителем — генерал-лейтенант СВР Михаил Дмитриев³⁵, а вторым человеком в МИДе — бывший директор СВР Вячеслав Трубников.

Однако особенно важно, *каким образом* военные переходят на работу в экономические ведомства. По данным нашего исследования, в большинстве случаев это происходит не по представлению соответствующего министра, а по «направлению» Кремля. Такие заместители министров остаются офицерами действующего резерва. Этот статус появился еще в советское время и поныне официально сохраняется в органах безопасности. Его суть в том, что, не прекращая своей службы в военном ведомстве, получая там зарплату и текущие задания, офицеры переходят на работу в другую организацию. В отличие от ее прочих сотрудников они выполняют дополнительные функции: составляют ежемесячные отчеты для «материнской структуры». За ними сохраняются офицерские льготы (вторая зарплата, доплаты за звание и выслугу лет, удостоверение действующего

офицера, не только играющее роль пропуска, но и дающее гарантии личной неприкосновенности). Статус офицера действующего резерва всегда считался чрезвычайно престижным. Обладающие им лица, формально стоя вровень с 10—15 другими заместителями руководителя организации, играют в ней, как правило, роль «серого кардинала». В советское время деятельность таких офицеров была засекречена, теперь же из их прошлого не делается тайны. Более того, после укрепления Путина у власти чекистским прошлым стали гордиться.

Привлечение такого рода кадров на работу в правительственные структуры — показатель того, что президентская администрация активно создает новый резерв «комиссаров при командирах». Это доверенные лица президента, призванные стать «оком государевым» в экономике и тем самым усилить контрольную функцию Кремля. Пока неясно, займут ли через некоторое время эти «комиссары» ключевые посты в государстве или же останутся в тени. Первый вариант свидетельствовал бы о дальнейшем укреплении милитократии.

Военные в бизнесе

В результате реформирования военных ведомств в первой половине 90-х годов в запас были уволены десятки тысяч старших офицеров и генералов, не достигших пенсионного возраста. Эти относительно молодые отставники искали себе применения на гражданской службе, чем и воспользовались коммерческие структуры, ставшие основными потребителями услуг офицеров и генералов. Те стали создавать службы безопасности, охрану, экономическую разведку, информационно-аналитические управления. Ценность кадров такого рода заключалась не только в их профессионализме. Они располагали связями в государственных структурах, в том числе в правоохранительных ведомствах. Именно этого очень не хватало предпринимателям, чей успех прямо зависел от государства. Особенным спросом пользовались выходцы из КГБ, так как их интеллектуальный и профессиональный потенциал котировался высоко, а «специальные навыки» особенно ценились. В 90-е годы в штате каждой уважающей себя частной компании было по меньшей мере одно подразделение, возглавляемое генералом КГБ. Чекисты, занимавшие там раньше самые высокие посты, работали в крупнейших банках и нефтяных компаниях. Прослойка военных в бизнес-структурах год от года росла, так как уже попавшие в штат фирм офицеры нуждались в помощниках и использовали любую возможность, чтобы перетащить бывших сослуживцев на высокооплачиваемую работу.

Другая часть отставников создавала собственные компании — главным образом частные охранные предприятия, занимавшиеся не только своим прямым делом, но и экономической разведкой, лоббированием и инфор-

мационно-аналитической деятельностью. Еще одно типичное занятие бывших офицеров — военная коммерция, то есть работа в многочисленных организациях, торговавших оружием и «сопутствующими товарами».

Отставные офицеры, рассеянные по частным фирмам, не порывали связей друг с другом и с материнской организацией. Напротив, по мере того как в процессе их новой деятельности возникали новые задачи, их контакты ширились. Если офицерам, находящимся на действительной службе, была свойственна некоторая корпоративная замкнутость (чекисты общались с чекистами, милиционеры — с милиционерами, а армейские — с армейскими), то «военные подразделения» внутри коммерческих структур активно налаживали связи с бывшими и действующими военными всех родов войск. Отставники, работающие в бизнесе, образовали своего рода братство, отмеченное взаимопониманием и взаимопомощью. Его члены создали ряд общественных ветеранских организаций, сумевших провести своих кандидатов в законодательные органы.

Массовый переход военных в бизнес не был заранее спланированной операцией государства. Оно не внедряло офицеров в коммерческие структуры намеренно, в расчете использовать позднее как агентов влияния (хотя и отмечены отдельные случаи такого рода). Последствий «милитаризации бизнеса» никто не просчитывал. Да и не все отставники, проработав какое-то время в частном секторе, сохранили преданность материнским ведомствам. Многие ассимилировались, утратили связи с коллегами. Однако исследования показали, что большинство военных сохранили корпоративные связи. В основе их солидарности лежит идеологическая общность.

В советское время офицерская среда была особенно сильно идеологизирована. Высшие военные учебные заведения усиленно пропагандировали советские ценности и воспитывали патриотизм. Офицеры отличались особой склонностью к коммунистической ортодоксии и великодержавности. Среди них почти невозможно было встретить критиков режима или диссидентов. Массовый уход военных из армии в 90-е годы был для них болезненным: они оказались в среде, которую считали враждебной. Молодые пенсионеры с коммунистическими взглядами перешли на работу к нуворишам, которых изначально ненавидели. Однако материальные стимулы сыграли свою роль. Чем дольше эти люди работали в бизнес-структурах на олигархов и «новых русских», тем либеральнее становились их взгляды. Новая зависимость была сродни наркотической: привыкнув получать из рук магнатов высокие зарплаты, дорогие автомобили и прочие блага, бывшим военным уже было трудно расстаться с прелестями нового образа жизни. Взгляды отставников стали меняться: коммунистический пафос ослабевал, а советская мифология теряла былую власть над их умами. Но и полностью отречься от прежних убеждений эти люди тоже

не могли. Они презирали «предателей-перевертышей» и гордились тем, что по-прежнему голосуют за компартию. Но постепенно отставники-бизнесмены отвыкали от советской демагогии. Марксистско-ленинскую фразеологию сменила патриотическая и славянофильская, а экономические взгляды приблизились к рыночным. Бывшие офицеры сохранили ностальгию по Советскому Союзу как великой державе и временам, когда военные ведомства играли совсем иную роль. Работая на нуворишей, они, тем не менее, свято верили: придет время, когда начнется настоящая борьба с коррупцией и казнокрадством. Продолжая считать себя коммунистами, бывшие офицеры стали носителями идеологии патриотизма и государственности.

Таковую же идеологическую трансформацию проделал и сам Путин, став из оперативного работника помощником одного из самых известных деятелей перестройки — Анатолия Собчака. Метаморфоза нынешнего президента России типична для бывших советских военных с амбивалентным сознанием. Они принимают рыночные реалии, продолжая разделять идеи великодержавности и социальной справедливости. Как и у многих других военных, взгляды Путина эклектичны: они одновременно и левые, и правые. Впитав идеологию социализма, российский президент приспособился к демократическим веяниям и научился говорить на языке западных ценностей. В его мышлении, как в капле воды, отразились все противоречия эпохи.

Именно потому, что Путин так близок и понятен военным-отставникам, работающим в бизнесе. Они стали, пожалуй, самыми последовательными и верными сторонниками президента. Многие из них были бы не прочь вернуться на «государеву службу» в случае политической мобилизации (если та будет подкреплена материально), но готовятся к иной задаче — представлять интересы государства в бизнесе.

Путинское «политбюро»

Советская политическая система была бюрократической, моноцентрической и имела институционализированную иерархию власти в виде номенклатуры. На вершине пирамиды находилась коллегия высших чиновников, называемая Политбюро ЦК КПСС. Персональная власть генерального секретаря ЦК партии была ограниченной: он не мог действовать единолично, не считаясь с мнением своих коллег. Решения принимались коллегиально, голосованием. Структура Политбюро зависела от того, какие должности считались в тот момент ключевыми. Обычно к их числу относили посты секретарей ЦК КПСС, курировавших идеологию и экономику, председателя правительства и его заместителей, министров иностранных дел, обороны, культуры, председателей КГБ и Комитета партийного контроля, председателей обеих палат Верховного Совета СССР и

6—7 первых секретарей ЦК компартий некоторых союзных республик. Всего в Политбюро входило 20—25 человек.

Вопрос о вершине нынешней власти и ее геометрии изучен слабо. Стратегическая группа элиты законспирирована, а механизм принятия решений скрыт от внешнего наблюдателя. Власть Путина производит впечатление единоличного президентского правления. Однако коллективные органы управления страной существуют, но они расположены на втором (сверху) уровне и принимают решения только по частным вопросам в пределах их юрисдикции. Обращает на себя внимание орган, который не играет пока особой стратегической роли и находится в тени политического процесса, объединяя, тем не менее, всех ключевых игроков. Это Совет безопасности РФ, который и по численности, и по должностной структуре превратился за годы правления Путина в аналог Политбюро. Он включает в себя руководителей всех коллективных органов власти второго уровня, а возглавляет его, как прежде Политбюро, первое лицо государства. В табл. 4 представлены в динамике структуры Политбюро ЦК КПСС и Совбеза. Чтобы сделать возможным сопоставление, названия должностей лишены советской специфики; тем самым обнажена их функциональная суть. Список ключевых должностей стал выглядеть так: руководители аппарата главы государства, кураторы идеологии и экономики, премьер-министр и вице-премьеры, министры-силовики, министр иностранных дел, глава главного контрольного ведомства страны, спикеры палат парламента, руководители ключевых регионов.

Т а б л и ц а 4

**Структура высшего руководства страны в 1981—2002 годах,
в % к численности группы ³⁶**

	Советское Политбюро		Ельцинский Совбез		Путинский Совбез 2002 г.
	1981 г.	1988 г.	1993 г.	1999 г.	
Всего (чел.)	21	21	14	28	24
Руководители аппарата, идеологи, секретари	23,8	42,9	7,1	3,6	4,2
Члены правительства (за исключением силовых министров)	19,0	28,6	50,0	39,3	8,3
Силовики и контролеры	14,3	9,5	42,9	46,4	45,8
Руководители парламента	4,8	4,8	—	7,1	8,3
Регионалы	38,1	14,3	—	—	29,1
Представители науки	—	—	—	3,6	4,2

Как видно из табл. 4, и по численности, и по структуре Совет безопасности был в 2002 году гораздо больше похож на Политбюро, чем в 1993-м. В начале своего правления Ельцин отдавал предпочтение членам правительства, составлявшим половину всех «ключевиков» (жаргонное словечко российской элиты). К 1999 году он увеличил присутствие силовиков и ввел в состав Совбеза руководителей парламента. Однако регионалов в этот орган Ельцин по-прежнему не допускал. Путин восстановил их присутствие, не выделяя при этом, как это было в СССР, отдельные регионы, а введя в Совет безопасности всех полномочных представителей. Состав этого высшего коллективного органа позволяет отчетливо прочесть приоритеты нынешней власти: основу путинского «политбюро» составляют *силовики и контролеры*.

Есть и другие аналогии: в Политбюро существовала строгая внутренняя иерархия, фамилии его членов перечисляли, как правило, не по алфавиту, а по значимости, деля на две группы — членов и кандидатов в члены. Структура Совбеза тоже двухслойна: он состоит из постоянных членов (5 чел.) и просто членов (19 чел.). Ранжированы только члены первой группы. Согласно указам Президента РФ № 486 от 26.04.2001 г. и № 83 от 24.01.2002 г. постоянные члены Совета безопасности РФ перечислены в следующем порядке: председатель Правительства РФ, секретарь Совета безопасности, министр иностранных дел, министр обороны и директор Федеральной службы безопасности РФ. Эта последовательность как нельзя лучше дает представление о реальных приоритетах власти: формально высшие чины государства (спикеры верхней и нижней палат парламента) на деле уступают по важности министрам иностранных дел и обороны, а также директору ФСБ ³⁹.

Однако при всей структурной схожести Политбюро и Совбеза их роль в государстве и функции, конечно же, различны. Политбюро решало все важные вопросы жизни общества, а Совбез занимается только вопросами безопасности (хотя и понимаемой расширительно). Решения Политбюро были директивами для всех других политических институтов, а решения Совета безопасности часто носят рекомендательный характер. К тому же последний (в отличие от Политбюро) не решает кадровых вопросов власти (впрочем, некоторые назначения согласовываются с его членами).

Рост политического влияния Совбеза за последние годы объясняется главным образом двумя причинами: войной в Чечне и длинной чередой техногенных катастроф. Чеченский конфликт стал камнем преткновения для политиков, поставив, как никогда, остро вопрос о дееспособности армии и спецслужб России. Бесконечные катастрофы, происходящие из-за изношенности оборудования, инженерных сооружений и техники, привели к тому, что незаметное прежде ведомство, отвечающее за гражданскую оборону, превратилось в одно из самых влиятельных силовых ми-

нистерств — МЧС. Эта военизированная структура стремительно расширяла сеть своих подразделений в стране, так как чрезвычайные ситуации возникали повсеместно и все чаще. Глава ведомства молодой генерал Сергей Шойгу становился все популярнее. В 1999-м он стал лидером создававшегося кремлевской администрацией блока «Единство», а позднее — одним из лидеров влиятельнейшей партии «Единая Россия».

У Совета безопасности есть «внутренний» руководитель — секретарь, руководящий аппаратом СБ. В разное время его роль то поднималась до уровня важнейшего лица в государстве, то становилась почти незаметной, технической (что произошло после назначения на этот пост Владимира Рушайло). Однако, если на этот пост придет сильная политическая фигура, близкий президенту человек, роль института может сразу возрасти. Он объединяет ключевых государственных деятелей, не зависит ни от Белого дома, ни от Старой площади, почти на 60 проц. состоит из военных и выглядит прообразом коллективного верховного органа, призванного выполнять стратегические функции, но пока этого не делающий.

Итак, с приходом к власти Путина удельный вес военных во властных структурах заметно возрос. Причины этого кроются не только в том, что президентом стал военный. Скорее наоборот: приход на высший государственный пост офицера госбезопасности обусловлен объективными факторами, возникшими в годы реформ, приведших страну к системному кризису. Крайнее ослабление государства, разрушение управленческих сетей, коррупция и беззаконие привели к тому, что Кремль фактически перестал контролировать ситуацию. Губернаторы превратились в удельных князей, олигархи возомнили себя правителями страны, медиа-магнаты шантажировали власть, депутаты держали президента на грани импичмента, а чиновники брали взятки за исполнение своих прямых обязанностей. Всем им казалось, что теперь *они* правят страной, ставят условия и определяют правила игры. В такой ситуации появление проекта «президент-военный» было логичным. Кто еще мог остановить расползание «политического желе», в которое превратилась Россия? Кто мог предотвратить дальнейший распад государства, грозивший международной безопасности?

Задачи милитаризации власти

Милитаризация власти часто следует за политическими кризисами, расшатывающими основы государственности. Ложно понятые демократические свободы привели страну к социальной нестабильности, чреватой распадом и хаосом. В такой ситуации самый быстрый и простой способ укрепить государство — это опереться на военных, как на главную силу порядка.

После победы Путина на президентских выборах 2000-го началась активная милитаризация власти. Отчасти она шла стихийно: новый прези-

дент приглашал на работу коллег из Петербурга, а те в свою очередь, обосновавшись в московских кабинетах, звали бывших сослуживцев. Число людей в погонах росло как снежный ком. После двух лет правления Путина насыщение власти военными стало настолько ощутимым, что напрашивается вопрос: насколько этот процесс стихийен и не осознан самой властью? Не проглядывают ли здесь контуры того самого «проекта Путина», о котором столько спорили политики и эксперты? А если это так, то каковы подлинные планы Кремля по укреплению государства и президентской власти?

Как я уже упоминала, правление Ельцина привело к кризису легитимности, расшатало властные институты, нарушило их субординацию и породило функциональный хаос. Политическая система утратила стабильность. Были нарушены традиционные связи между социальными субъектами, их роли стали неопределенными. Социальная поддержка власти ослабла. Государственная машина перестала (или почти перестала) выполнять свои репрессивные и контрольные функции. Почти все управленческие сети оказались разрушены, а гражданское общество так и не сложилось. На смену политическим организациям (КПСС и ВЛКСМ), поддерживавшим связь между властью и народом, так и не пришла иная, но столь же разветвленная и эффективная система. Связи между этажами политической пирамиды оказались нарушены, а единые «правила игры» упразднены. Существенный ущерб понесла и сфера экономики: после коллапса СССР были порваны горизонтальные и вертикальные хозяйственные связи, перестали существовать единые принципы управления.

Менее всего пострадали бюрократическая и военная иерархии. Первая из них была, однако, крайне коррумпированной и плохо управляемой. Новый президент не доверял чиновничеству, рекрутированному Ельциным из «разночинцев». Военных же он хорошо понимал, поскольку вышел из их среды. Военные институты хотя и ослабли, но все же сохранили единоначалие, идеологию патриотизма, строгую дисциплину и каналы развития карьеры. Их меньше поразила коррупция, ими было легче управлять, они продолжали подчиняться приказам, сохранили систему санкций за провинность, в военной среде руководителей можно было назначать и снимать без всяких демократических процедур. Путину было проще начать укрепление власти с восстановления сети силовых структур, которые послужили бы ему опорой личной власти и основой усиления контрольных и репрессивных функций государства.

Кремль не скрывал своего намерения контролировать все: выборы, парламент, гражданское общество, в том числе частный бизнес и независимую прессу. Усилия путинской администрации двух последних лет были направлены на проведение Гражданского форума, создание центристского блока в Думе, изгнание из страны медиа-магнатов Владимира Гусинского

и Бориса Березовского, придание нового статуса общественным организациям, уполномоченным работать с бизнесменами, — Торгово-промышленной палате, Российскому союзу промышленников и предпринимателей и др. Всюду, где остро стояла проблема восстановления государственного контроля, появлялся человек в погонах — кремлевский «смотрящий». В регионах ими стали полпреды и инспекторы, в правительстве — заместители министров и начальники управлений, в бизнесе — руководители общественных организаций, объединяющих предпринимателей и отставников, работающих в коммерческих структурах.

В 2000—2002 годах новая власть усиленно работала не только над созданием *управленческой вертикали*. Рассаживая высших офицеров на вторые и третьи этажи властных структур, Кремль создавал и *управленческую горизонталь*, призванную контролировать все направления политики и экономики. Насыщение военными экономических и политических ведомств становится при Путине основной тенденцией кадровой политики.

Агенты влияния Центра рассеяны теперь по всему политическому пространству, а потому нет необходимости возвращать службе безопасности мощь и авторитет советского КГБ. Президентские структуры отчасти берут его задачи на себя, действуя теми же способами. Кремль расширяет зоны своего контроля, заполняя ответственные посты во всех ветвях власти офицерами, получающими приказы не от военных, а от политических ведомств.

Усиление государства шло параллельно с укреплением личной власти главы государства. Наряду с командой президента складывалась и группа его поддержки. Из военных комплектовали кадровый резерв — опору режима Путина. Внедрив новый «этаж» федеральной власти, президент не только усилил Центр, но и создал группу лично ему преданных чиновников. Федералы, действующие от имени президента в регионах, постепенно накапливали силы, создавая так называемые координационные советы по безопасности или по экономическим вопросам. Тем самым они выводили военные и финансовые ресурсы из-под полного контроля губернаторов. Власть местных чиновников ослабевала, а федеральные представители набирали вес и влияние. Путинская «вертикаль» обрела устойчивость. Военные, рассеянные по государственным и коммерческим организациям, осевшие в парламенте и правительстве, в партийных организациях, образовали коалицию Путина.

Последствия милитаризации власти

Какие опасности таит в себе милитаризация? Способна ли она повлиять на демократическое развитие страны? Ведь политика во многом зависит от тех, кто приходит к власти, от их ценностей, убеждений и уровня культуры.

Рекрутируя в элиту военных, президент и его окружение задали тем самым вектор предстоящим реформам. Политика приобретает специфические особенности, характерные для профессиональных качеств военных — группы, формирующейся в замкнутом иерархизированном социальном пространстве. В ходе социализации военных приучают, не рассуждая, подчиняться приказам, строго следовать уставам, безусловно уважать старшего по званию. Творческую составляющую их мышления систематически подавляют за счет исполнительности. Военная среда авторитарна, и демократический стиль управления для нее неприемлем.

Конечно, и военные в разной степени привержены авторитарным методам управления. Поэтому, если бы речь шла о нескольких генералах, перешедших в политику, разговор об опасностях этого обстоятельства для общества мог быть беспочвенным. Однако мы наблюдаем наполнение всех ветвей и этажей власти военными, численность которых в различных элитных группах доходит до 15—70 процентов. Количество, как известно, переходит в качество, а потому присущий военным структурам авторитарный стиль управления может быть перенесен на все общество.

Правда, военные «путинского призыва» прошли школу демократизации, работали в коммерческих структурах или за границей. Их внутренний авторитаризм трансформировался, стал условнее. Стремление к тотальному контролю ограничено теперь рамками закона, западными стандартами, оглядкой на реакцию мирового сообщества. И все же, мирясь с

Рис. 2. Коалиция Путина

существованием институтов, которыми не удастся руководить открыто, современная российская милитократия не оставляет стремления к контролю. Он принимает иные формы: назначение «комиссаров при командах», или кремлевских «смотрящих», использование административного ресурса на выборах, создание новых институтов гражданского общества, внедрение агентов влияния в бизнес, средства массовой информации и т. п. Эти методы, используемые спецслужбами всего мира, знакомы и российскому президенту, в прошлом разведчику.

Неоавторитаризм путинской милитократии сосуществует с плюрализмом мнений и частной собственностью. Демократические институты и свободы формально сохраняются, но федеральная власть чувствует себя все увереннее: исход согласительных процедур почти всегда заведомо известен, а итоги выборов прогнозируемы. Новая управленческая сеть, основу которой составляют военные, восстановила контроль практически над всеми ключевыми общественными процессами. Идет выхолащивание демократии, она приобретает характер имитации. Образцом такой квазидемократии было советское общество, где формально существовали три ветви власти, выборы и закрепленные в конституции демократические свободы. Не та ли же опасность подстерегает нас сегодня, после массовой мобилизации военных в политику? Не идем ли мы по пути советизации режима?

Милитаризация власти опасна еще и дальнейшим экспоненциальным ростом числа военных в органах государственного управления. Формирование кадрового резерва из людей в погонах чревато большей милитаризацией в ближайшей перспективе. Уже не за горами время, когда военные возглавят администрацию президента и некоторые экономические ведомства, а все больше губернаторов и мэров оденутся в камуфляжную форму. Цветом элиты станет хаки. Это неминуемо скажется на российской политике: она будет больше внимания уделять вопросам обороны, безопасности и положению в армии. Эта тенденция уже сейчас очевидна: военный бюджет растет, власть пытается вернуть военным былой привилегированный статус.

При Ельцине стратегическая группа элиты состояла главным образом из экономистов: Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Евгений Ясин и им подобные определяли магистральное направление реформ. Теперь центр принятия важнейших решений сместился в сферу безопасности. Группа либеральных экономистов в окружении президента не играет принципиальной роли; реформа вяло идет в заданном направлении, никаких существенных изменений в экономическом курсе не ожидается. Но военные, занимающие ключевые посты, становятся всё влиятельнее.

Другое опасное последствие милитаризации власти — клановость, в основу которой на сей раз лягут не родственно-финансово-криминальные связи «семьи», а корпоративный дух единения силовиков. Сети аген-

тов влияния, специфические каналы обмена информацией, методы манипулирования людьми делают офицеров, работающих или работавших в КГБ/ФСБ, особой кастой, спаянной солидарностью. Когда человек, владеющий навыками этого «братства», получает власть, вся страна превращается в арену оперативной работы. Как сказал сам Путин, «бывших чекистов не бывает — это на всю жизнь»⁴⁰. Новая клановость режима Путина — это корпоративный дух спецслужб.

Путин — реализованный Андропов

В российском обществе давно бытует миф о Юрии Андропове. Он оставил части своих современников веру в то, что советский строй можно было реформировать, сохранив все достоинства социализма и освободив его от недостатков. Не только ортодоксальные коммунисты, но и те, что считали советский строй в своей основе «правильным», верили и продолжают верить: проживи-де Андропов подольше, не было бы катастрофы перестройки и распада страны.

Этот миф лег в основу отношения к Путину, повторившему путь Андропова: из органов — на «престол»⁴¹. Отрицая западный путь развития и установление капиталистических отношений, немалая часть избирателей поверила в способность нового главы государства возродить былое величие страны и согласилась на компромисс: отдельные реформы в обмен на порядок. «Андропов наших дней» сплотил народ, обещая поставить крупную экономику под контроль государства, искоренить коррупцию и правовой беспредел, восстановить авторитет армии, прижать олигархов. Символом возврата к основам советского строя стало восстановление Гимна Советского Союза. Но если Андропов начал движение к реформам от социалистического берега, то его духовный преемник отчалил от капиталистического. И тот и другой были *государственниками*, но первый пробовал построить «социализм с человеческим лицом», а второй надеется получить «очеловеченный» капитализм. Андропов пытался убрать плохое из советского строя, разделяя его концепцию и идеологию; Путин же наводит порядок в капиталистическом хозяйстве, тоже соглашаясь с его принципами и ценностями. Андропов пытался сделать шаг вперед, Путин — шаг назад. Андропову поверили и ортодоксы, и демократы; на Путина возлагают надежды и правые, и левые.

Удастся ли ему при помощи милитократии сделать национальную экономику рыночной, а демократию управляемой? Удастся ли осуществить «стратегию двойного пути»: направить маркетизацию и демократизацию в разные стороны, сохранив при этом стабильность? Время покажет.

Примечания

- ¹ Источник: База данных советской и российской элиты сектора изучения элиты Института социологии РАН (1989—2002). Далее: База данных...
- ² *Политбюро* (Президиум) ЦК партии в 1917—1989 гг.: Персоналии. М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1990. С. 13.
- ³ Например, из 281 члена ЦК КПСС, избранных на XXVII съезде КПСС (1989), военных было 30 чел., в том числе 26 армейских генералов, один глава МВД СССР, три руководителя КГБ СССР (Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 43—114).
- ⁴ Подробнее о реформировании спецслужб в России см.: *Мухин А.А.* Кто есть мистер Путин и кто с ним пришел?: Досье на Президента России и его спецслужбы. М.: ГНОМ, 2002. С. 135—253.
- ⁵ Под «военными» здесь и далее я имею в виду людей в погонах всех типов: офицеров армии и флота, пограничной службы, внутренних войск, служб безопасности, МЧС и пр. Для их обозначения еще в 90-е годы в политическом сленге закрепилось понятие «силовики», а совокупность военизированных ведомств России стали называть «силовыми структурами».
- ⁶ Данные исследований российской элиты, проводимых сектором изучения элиты Института социологии РАН с 1989 года. К элите были отнесены: члены Совета безопасности РФ, депутаты обеих палат Федерального собрания РФ, члены Правительства РФ, главы субъектов Федерации (1993 и 2002).
- ⁷ К элитным вузам я отношу МГУ им. Ломоносова, МГИМО, Институт иностранных языков им. Тореза (ныне МГЛУ), высшие партийные и комсомольские школы, Академию народного хозяйства при Совмине СССР (ныне АНХ при Правительстве РФ), Академию общественных наук при ЦК КПСС (ныне Академия государственной службы при Правительстве РФ), Московский финансовый институт (ныне Финансовая академия при Правительстве РФ), Всесоюзная академия внешней торговли и Дипломатическая академия.
- ⁸ В 1988 году Политбюро ЦК КПСС состояло из 21 человека (без генерального секретаря). См.: *Политбюро* (Президиум) ЦК партии в 1917—1989 гг. С. 14.
- ⁹ В конце 1989 года Совмин СССР насчитывал 74 человека. См.: *Совет* Министров СССР: Справочник. М.: Внешторгиздат, 1990. С. 5—15.
- ¹⁰ Общая численность первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов (Московского и Киевского) и окружкомов партии на сентябрь 1989 года – 174 человека. См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 51—85.
- ¹¹ Народных депутатов СССР созыва 1989 года насчитывалось 2 245 человек. См.: *Народные депутаты СССР*: Справочник. М.: Внешторгиздат, 1990.
- ¹² В 1993 году в Совет безопасности РФ входило 15 человек. См.: База данных...
- ¹³ Правительство РФ состояло в 1993 году из 35 человек. См.: *Политическая Россия сегодня*: Исполнительная власть, Конституционный суд, лидеры партий и движений. М.: Московский рабочий, 1993. С. 78—117.
- ¹⁴ Главы 89 субъектов РФ в 1993 году. См.: *Политическая Россия сегодня...* С. 117—266.
- ¹⁵ Совет Федерации насчитывал в 1993 году 175 депутатов. См.: *Федеральное собрание России*: Совет Федерации и Государственная Дума. М.: Фонд Форос, 1995. С. 13—212.
- ¹⁶ Государственная дума насчитывала в 1993 году 445 депутатов. См.: *Федеральное собрание России...* С. 213—540, 582—583.
- ¹⁷ В 1999 году в состав Совета безопасности РФ входило 28 человек. См.: База данных...
- ¹⁸ Правительство РФ состояло в апреле 1999 года из 50 человек. См.: База данных...
- ¹⁹ Главы 88 субъектов РФ (без Чечни) в 1999 году. См.: База данных...
- ²⁰ В 1999 году Совет Федерации насчитывал 82 человека (за вычетом губернаторов). См.: *Россия на рубеже XXI века*: Сенаторы России. М.: Человек и карьера, 2000.

- ²¹ В 1995 году Государственная дума состояла из 450 депутатов. См.: *Федеральное собрание — парламент Российской Федерации // Думский вестник*. М.: Госдума, 1996. № 1 (16). С. 5—29.
- ²² Совет безопасности РФ состоял в 2002 году из 24 членов. См.: База данных...
- ²³ Правительство РФ состояло в апреле 2002 года из 58 человек. См.: База данных...
- ²⁴ Главы 88 субъектов РФ (без Чечни) в 2002 году. См.: База данных...
- ²⁵ Совет Федерации состоял в апреле 2002 года из 168 человек. См.: Коммерсант-Власть. 2002. 26 февр. С. 29—52.
- ²⁶ Государственная дума состояла в 1999 году из 448 человек. См.: *Федеральное собрание: Совет Федерации*. Государственная Дума: Справочник. М.: Фонд развития парламентаризма в России, 2000. С. 272—346.
- ²⁷ Профиль. 2000. 27 нояб. С. 8; Там же. 2001. 15 янв. С. 9, 10; Там же. 2002. 13 мая. С. 7; Там же. 2002. 27 мая. С. 6.
- ²⁸ *Регионы России в 1999 году / Н. Петров (ред.)*. М.: Московский центр Карнеги, 2001. С. 173—196; Эксперт. 2001. 5 февр. № 5. С. 67; Еженедельный журнал. 2002. 30 апр. С. 6—8; http://www.dosye.ru/russia/ru_prez14.htm
- ²⁹ Данные исследования «Путинская элита», проведенного сектором изучения элиты Института социологии РАН в 2000—2002 годах.
- ³⁰ Еженедельный журнал. 2002. 30 апр. С. 8.
- ³¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». См.: <http://www.rg.ru/oficial/doc/ukazi/849.htm/>
- ³² Мухин А. А. Указ. соч. С. 148.
- ³³ *Государственная служба: Сборник нормативных документов*. М.: Дело, 1999. С. 222.
- ³⁴ Структура российского правительства, утвержденная указом Президента РФ от 17 мая 2000. № 867.
- ³⁵ Профиль. 2000. 27 нояб. С. 8.
- ³⁶ *Политбюро (Президиум) ЦК...* С. 12; Состав руководящих органов ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. № 1. 1989. С. 9; <http://www.sovbez.gov/>
- ³⁷ Подсчитано без учета первого лица — генерального секретаря ЦК КПСС или президента РФ.
- ³⁸ В 2002 году в Совете безопасности были представлены семь президентских полпредов, которые, строго говоря, не являются представителями своих регионов, а исполняют функции «смотрящих», то есть федеральных чиновников, контролирующих работы территорий.
- ³⁹ См.: <http://www.sovbez.gov/>
- ⁴⁰ Дроздов Ю., Фартышев В. Юрий Андропов и Владимир Путин: На пути к возрождению. М.: Олма-пресс, 2001. С. 143.
- ⁴¹ О сходстве Андропова и Путина писали много. См., например: Дроздов Ю., Фартышев В. Указ. соч. С. 133—147.